

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 3, Критика текста

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

На последнем занятии мы немного говорили о происхождении и создании Священных Писаний, в основном обсуждая то, что мы и теологи называем вдохновением, и мы рассмотрели ряд текстов, которые описывают и раскрывают характер Священных Писаний, что они говорят о себе и феномен феноменов Священного Писания и то, как мы объединяем их, чтобы сформулировать понимание Библии как вдохновенной. Одно из лучших описаний, которые я нашел, принадлежит И. Говарду Маршаллу, где он говорит, что на человеческом уровне мы можем описать ее состав, то есть состав Библии, с точки зрения различных устных и литературных процессов, лежащих в ее основе. . Сбор сведений от свидетелей, использование письменных источников, оформление и редактирование таких сведений, составление спонтанных писем, поручение написанию пророческих посланий, сбор различных документов воедино и так далее.

В то же время, однако, на божественном уровне мы можем утверждать, что Дух, носившийся над водами творения (Бытие 1-2), был активен во всем процессе, так что Библию можно рассматривать и как слова людей или людей и Слово Божье. Эту деятельность Духа можно охарактеризовать как совпадающую с человеческой деятельностью, посредством которой была написана Библия. Итак, согласно этому пониманию, в нашем обсуждении на последнем занятии мы предположили, что Библия, будучи самым Словом Божьим, в то же время раскрывает очень человеческие процессы производства, но что Божий Дух так действовал в этом, что продукт, конечный продукт — это не что иное, как само Слово Божье.

И мы сказали, что одним из последствий этого для герменевтики и интерпретации является то, что различные методы и критические замечания, которые мы начнем обсуждать сегодня, и даже исследование различного вклада разных исторических личностей в герменевтику и наше понимание интерпретации - все это важно, потому что Библия – это не что иное, как человеческий документ. Но это, конечно, нечто большее. Как Слово Божье, это больше, чем просто человеческая работа.

Оно имеет право на нашу жизнь. Это авторитетно. Одним из следствий вдохновения является термин, который мы не обсуждали, и я не собираюсь вдаваться в подробности, — это безошибочность.

Это в основном дедуктивный аргумент. Если Библия есть Слово Божие, и если Бог правдив и не лжет, то из этого следует, что это произведение, Писание, следовательно, не содержит ошибок, не обманывает и т. д. Итак, мы немного поговорили тогда о происхождении Писания, но сейчас я хочу больше поговорить о передаче Писания.

То есть, откуда мы знаем, что имеющаяся у нас Библия действительно отражает то, что Бог первоначально открыл через этот процесс вдохновения? Откуда нам знать, что на самом деле записали человеческие авторы под вдохновением Святого Духа? Откуда мы знаем, что текст Нового и Ветхого Завета, к которому большинство из нас имеет доступ посредством перевода, хотя, если вы знаете греческий и иврит, то, о чем мы собираемся говорить сегодня, имеет непосредственное отношение к этому. Но откуда нам знать, что Библия, которой мы владеем, точно отражает то, что написали человеческие авторы, и что Бог намеревался сообщить в вдохновенном тексте Священного Писания? Первый этап передачи. На самом деле для нас важны два этапа. Один из них, о котором мы поговорим на следующем занятии, — это перевод, который

описывает, как у нас есть доступ к Ветхому и Новому Завету через наш родной язык.

Когда на одном из последних занятий мы увидели, что одно из препятствий, которое необходимо преодолеть, или одно из расстояний, которые необходимо преодолеть в интерпретации, заключается в том, что Ветхий и Новый Завет написаны на очень разных языках. Между нами и оригинальным текстом существует языковая дистанция. Перевод позволяет нам получить доступ к Ветхому и Новому Завету на нашем родном языке.

Итак, мы поговорим об этом. Но вопрос, который я хочу кратко обсудить сегодня, тот, в котором большинство из нас не обязательно будет участвовать или заниматься, но который актуален для герменевтики, потому что в некотором смысле это начальный этап герменевтики, потому что он касается основы Писания или самого текста. Откуда мы знаем, что имеющийся у нас текст является адекватной и точной основой для герменевтики и толкования? И это известно как текстовая критика.

Итак, моя главная цель — не сделать вас критиками текста, хотя некоторые из вас, возможно, захотят это сделать, потому что, как мы увидим, критика текста — это очень специализированная область. И поэтому главным образом я хочу познакомить вас с тем, что такое текстовая критика, чтобы вы могли следить за аргументами и дискуссиями по этому поводу, а также чтобы вы лучше ценили тексты Ветхого и Нового Завета, которые у вас есть. Библия, которую вы держите в руках, — это продукт довольно долгого и трудного пути, предпринятого различными учеными, которые проделали тяжелую работу, чтобы предоставить вам имеющиеся у вас места Писания, которые вы можете интерпретировать и читать.

И поэтому я хочу немного поговорить о такой штуке, как критика текста. Что такое текстовая критика, опять же, она касается передачи Священного Писания, начиная с вдохновения, с того факта, что Ветхий Новый Завет претендовал на то, что он является богодухновенным словом, но с тем фактом, что у нас нет ни одной из оригинальных рукописей, мы не знаем. У нас нет оригинального документа, который написал пророк Исайя, или у нас нет оригинального документа, который написал Павел или Матфей, или автора Руфи или 1 и 2 Царств. Оригиналов документов у нас нет.

Вместо этого мы имеем копии, точнее, иногда копии копий оригинального текста. Возможно, один из способов визуализировать это состоит в том, что текстовая критика немного похожа на дерево. Ствол дерева будет исходным текстом, возможно, к которому у нас нет доступа, а все ветви, которые расходятся в разные стороны и сами по себе имеют побеги и ветви.

Это были бы рукописи и копии, которые в результате получились, и часто мы имеем доступ только к самым кончикам, краям и концам ветвей, находящихся на довольно большом расстоянии, хотя и неразрывно связанных с самим стволом дерева. Так и с текстологической критикой, потому что у нас нет оригинальных рукописей, а есть только копии, иногда опять же, обычно это копии копий копий, часто иногда с разницей в несколько сотен лет, хотя в Новом Завете иногда доказательств немного. немного ближе, но часто рукописи временно отделены от оригинальных рукописей, а текстовая критика на самом деле работает наоборот. При попытке объяснить, как мы пришли от оригинальных рукописей к тому, что имеем сейчас, все работало наоборот? И, основываясь на всех доказательствах, это попытка пойти вспять и попытаться как можно точнее и адекватно восстановить, как выглядели оригинальные рукописи.

Итак, работая в обратном направлении, и мы немного объясним процесс, работая в обратном направлении, исходя из всех имеющихся у нас доказательств и всех рукописей, работая в обратном направлении, это попытка как можно точнее реконструировать то, что, скорее всего, представлял первоначальный автор. написал бы. Помните, у нас нет оригинальной рукописи. У нас просто есть копии копий копий, и их у нас довольно много, особенно в отношении Нового Завета.

Предполагается, что в процессе копирования оригинала, начиная с оригинальной рукописи, а также в процессе копирования и изготовления копий, чтобы сделать их более доступными, предполагается, что по мере создания рукописи вкрались определенные изменения, определенные ошибки, определенные различия. , рукописи переписывались, и так что мы имеем группу рукописей, иногда отличающихся друг от друга в определенных местах. И исходя из всего этого, поскольку все рукописи имеют различия, нам снова нужно попытаться вернуться назад и спросить, как возникли эти различия? И можем ли мы выяснить, какое из этих прочтений, из всех свидетельств, возможно, является тем, что имел в виду Павел? Предполагается, что где-то во всех рукописях, в каждом слове, в каждом предложении, в каждом стихе где-то присутствует оригинальный текст, который написал Павел, или Исаия, или кто-то еще. Таким образом, текстовая критика пытается установить максимально точный текст.

Критики текста часто говорят, что это одновременно наука и искусство. Есть определенные принципы, которые помогают нам вернуться к тексту, но это еще и искусство. Это не рецепт, в котором вы просто добавляете все ингредиенты и получаете продукт последнего времени.

Это требует большого творческого мышления, и это не только наука, но и искусство. Процесс копирования рукописей, как очевидно, раньше у нас был печатный станок, или теперь у нас есть компьютеры и принтеры, и вы можете легко распечатать несколько копий практически с любой точностью. В то время, очевидно, единственным способом создания множества копий или создания копий для публичного потребления было копирование человеком.

Это человек, сидящий со свитком и какими-то инструментами, которыми они писали на протяжении веков, и вручную проделывающий довольно трудоемкий процесс копирования текста. И часто что бы ни происходило, и, кстати, мне нужно предварить свое высказывание, большинство моих комментариев снова отражают мою область специализации, а именно Новый Завет. На самом деле, подходы к текстовой критике Ветхого и Нового Заветов немного различаются, поскольку они работают с разными видами доказательств.

И на самом деле мы увидим, что Новый Завет, вероятно, более хорошо засвидетельствован исторически с точки зрения количества доказательств, чем практически любой другой документ. Как мы увидим, существует около 6000 различных рукописных свидетельств текста Нового Завета. Мы поговорим об этом немного позже.

Обычно происходит несколько вещей, особенно в Новом Завете. Во-первых, если бы писец копировал текст, то рядом с писцом оказался бы текст или рукопись, скажем, Евангелие от Марка, и его лист, или лист папируса, или что-то еще, что он копировал. на его письменный материал. И что бы ни случилось, процесс таков, что писец прочитает группу слов или, возможно, строку из текста, а затем должен будет удержать это в уме, переключить взгляд с этого на рукопись и вспомнить, что он только что прочитал, и Напиши это.

Теперь вы можете увидеть этот процесс движения вперед и назад, может произойти множество вещей, как мы увидим через мгновение. Автор может забыть, что он написал, и, без сомнения, если вы когда-нибудь пытались писать подобным образом и копировать то, что читаете, и пытаться копировать это от руки, временами вы будете допускать ошибки. Вы можете добавить слово, можете пропустить слово, и через мгновение мы увидим, что могут произойти и другие вещи.

Но дело в том, что, поскольку писец переписывает таким образом, переходя от одной рукописи, к которой у него есть доступ, к пишущему инструменту, которым он сейчас ее записывает, могут произойти разные вещи, разные ошибки или разные различия, которые на самом деле могут возникнуть во время копирования. Вы слышали утверждение, что человеку свойственно ошибаться, и это, безусловно, верно при копировании рукописей. Еще одна вещь, которая часто случалась: один из способов массового производства рукописей Нового Завета заключался бы в том, чтобы кто-то стоял, как я, и читал рукопись, в которой несколько писцов фактически копировали то, что читают.

Теперь очевидно, как писец, как читающий что-то произносит или говорит, а может быть, читающий может что-то невнятно произнести или случайно пропустить слово, – это все будет отражаться при переписывании рукописей. Таким образом, вы можете видеть, что сквозь эти процессы, очень человеческие процессы, переписывания рукописей Нового Завета вручную и в лицо, могут закрадываться определенные различия и определенные ошибки. Теперь один вопрос, на который мы не будем тратить много времени. , потому что я думаю, что это только догадка, можно, очевидно, спросить: почему Бог позволил, почему он вдохновил свое слово, а затем позволил через человеческий процесс копирования закрасться определенным ошибкам или определенным различиям? Я не уверен, почему это так.

Есть множество возможных объяснений, но я думаю, можно только догадываться, почему Бог допустил очень человеческий процесс копирования. Но, несмотря на это, существует очень высокая степень и высокий уровень уверенности в том, что ученые продумывают процесс текстологической критики, они действительно восстановили и восстановили именно то, что сообщили оригинальные авторы. И даже тогда, в большинстве текстов, особенно в Новом Завете, большинство внесенных изменений довольно несущественны.

На большинстве из них не висит ничего существенного. Так что мы можем быть очень уверены в том, что то, что мы имеем, является точным и надежным отражением того, что написали авторы Нового Завета или авторы Ветхого Завета. Позвольте мне сделать лишь несколько замечаний, связанных с текстологической критикой.

И опять же, большинство моих комментариев посвящено Новому Завету. Прежде всего, мы уже упоминали, что в Новом Завете существует затруднение богатства или затруднение доказательств, когда дело касается текста Нового Завета. Один ученый сказал, что в различных рукописях Нового Завета наблюдается избыток материала.

И мы сказали, что существует около 6000 различных фрагментов рукописи. Теперь, скажем так, не все они одинаковы. Иногда у вас есть рукописи, в которых содержится практически весь Новый Завет.

В других случаях у вас есть рукописи, в которых будет только одна книга или несколько книг. А иногда у них нет всей книги. У нас тоже есть фрагменты.

Например, некоторые из самых ранних из них представляют собой лишь фрагменты одной главы Евангелия от Иоанна или часть одной главы Евангелия от Иоанна. Итак, рукописные свидетельства весьма разнообразны по полноте, характеру, качеству. Но дело в том, что приходится иметь дело с богатством, с которым приходится работать.

И это может быть как благословением, так и проклятием. Очевидно, что поскольку у нас так много доказательств, мы можем быть уверены, что нам есть над чем поработать, чтобы попытаться реконструировать текст. Но поскольку материала так много, иногда работать с таким количеством материала может быть угнетающе и утомительно.

Но дело в том, что, когда речь идет о тексте Нового Завета, существует избыток или неразбериха доказательств, чем о любом другом историческом документе. Итак, мы снова можем быть уверены, что сможем с очень, очень высокой степенью вероятности реконструировать то, что на самом деле написали авторы Нового Завета. Во-вторых, вам важно понимать некоторые важные термины, когда дело касается текстовой критики.

Опять же, именно поэтому, когда вы читаете или обсуждаете обсуждения текстовой критики или, в свою очередь, в своих мнемонических учебниках или чем-то еще, вы сможете следить за тем, что происходит. Первым, очевидно, будет слово «рукопись». Рукопись, как следует из названия, на самом деле представляет собой рукописный документ, либо рукописный свиток, либо мы рассмотрим различные виды письменных материалов, но рукописный документ, подтверждающий наличие Нового Завета.

Опять же, как мы уже говорили, иногда доказательства, которыми мы располагаем, иногда это практически весь Новый Завет или его разделы, или

только разделы книги, или фрагмент главы или параграфа в одном из новозаветных документов, а не рукопись. Это просто рукописный документ, или часть документа, или фрагмент, или что-то еще, что свидетельствует о Новом Завете или части Нового Завета, будь то глава, книга или что-то еще. Это рукопись. Еще один термин, с которым вам необходимо ознакомиться, — это термин «вариант».

Вариант — это, по сути, любое изменение, когда сравниваешь рукописи там, где они различаются, где одна рукопись отличается от другой. И опять же, зачастую это просто слово, иногда просто разница в написании, иногда это может быть группа слов или нечто большее. Мы поговорим немного о Евангелии от Марка, которое на самом деле иногда имело несколько разных концовок, поэтому иногда это мог быть целый абзац.

Но вариант — это просто разница между двумя или более рукописями. Когда вы сравниваете рукописи, где одна рукопись отличается по чтению, и в ней может быть другое слово, пропущено слово или что-то еще, это вариант. И опять же, из всех этих вариантов критики текстов пытаются определить, какой из них, когда вы сравниваете все тексты, какой из них, вероятно, точно отражает то, что написал Павел, или Исаия, или кто-то еще, автор 1 и 2 Короля или Бытие.

Еще один термин, с которым вам необходимо ознакомиться, — это папирус. Папирус был очень ранним инструментом письма. Папирус представлял собой лист, который был создан из полосок растения папирус, найденного в Египте, и, вытягивая их и склеивая вместе, они, по сути, могли сформировать лист или страницу, которая была очень ранним средством письма или записи чего-либо. .

Итак, вам нужно было знать, что такое папирус. Два других термина, связанных с этим, которые вам нужно знать, — это свиток. Опять же, свиток был очень ранней формой техники письма.

И дело было в том, что вы взяли несколько листов папируса, склеили их вместе, и их можно было свернуть. Это был свиток. Еще один — кодекс.

Вам также необходимо понять, что такое кодекс. В кодексе листы были связаны вместе в виде книги, что очень напоминало очень раннюю форму составления книги. Вместо того, чтобы соединить все листы и свернуть их, их просто скрепили вместе в виде книги.

Это был кодекс. И это просто разные типы рукописей, которые у нас есть и к которым мы имеем доступ. Еще несколько терминов, о которых вам следует знать.

Тот, который, вероятно, очевиден, но все же требует упоминания, — это писец. Переписчиками будут просто те, кто копирует и делает копии текста Нового Завета или текста Ветхого Завета. Еще пара слов, которые вам нужно понять: склонность к переписыванию.

Вы часто будете видеть это слово в обсуждениях критики Тетры. Тенденция писца просто относилась к типам действий, которые писец будет делать. Помните, мы обычно говорили о том, как писцы записывали или копировали документ: они будут читать документ, должны держать в уме то, что они только что прочитали, пока переносят на свою страницу, и копируют его.

И определенные тенденции, о которых мы поговорим немного позже, определенные тенденции могут диктовать, что происходит, когда этот текст был, опять же, писец мог что-то забыть, или писец мог намеренно, писец мог

попытаться что-то гармонизировать. Например, если переписчик читал что-то в одном из Евангелий, и это, казалось бы, противоречило тому, что он читал, возможно, он просто скопировал Евангелие от Матфея неделю назад, а сейчас работает над Марком, и вроде бы разница есть. . Он мог бы попытаться гармонизировать его и заставить его звучать, заставить два Евангелия звучать одинаково.

Итак, есть определенные тенденции. Когда писец переписывал или когда писец слушал прочитанный текст и записывал его, существуют определенные тенденции, определенные вещи, которые писец может делать, и мы поговорим об этом немного подробнее. Последние два есть, и есть много других терминов, о которых мы могли бы поговорить, но я хочу сохранить простоту и представить основные термины.

Одним из них является слово «распечатать». Это описание типа рукописи. По сути, это была незапечатанная рукопись, и это больше относится к стилю письма, в отличие от папируса, свитка или кодекса, которые относятся к типу рукописи, это больше относится к стилю письма.

Незапечатанная рукопись была написана заглавными буквами. Я убежден, что большая часть всех документов Нового Завета, вероятно, была написана незапечатанным шрифтом. То есть писатель писал бы заглавными буквами по-гречески, и между словами не было бы пробелов.

В отличие от большинства наших сегодняшних языков, где мы ставим пробелы между словами, чтобы их было легко определить, в распечатанных рукописях пробелов между словами не было. Предложения были бы составлены вместе, и знаков препинания практически не было бы. Это незапечатанная рукопись.

Много позже, несколько столетий спустя, многие рукописи стали, что называется, миниатюрными. Это последний термин, с которым я хочу вас познакомить. Крохотный.

Это был скорее скорописный тип письма, а позже слова действительно начали отличать друг от друга и разделять. Итак, это некоторые из наиболее важных терминов. Рукопись, вариант, папирус, свиток и кодекс, писец, тенденции писца, а затем распечатывание и крохотные типы рукописей.

Это термины, которые вы часто будете встречать, когда читаете, читаете обсуждения или слушаете обсуждения текстовой критики. Но это всего лишь способы описания типов свидетельств, с которыми работают критики текста, чтобы попытаться как можно точнее и максимально точно реконструировать форму оригинальных рукописей, которые могли бы создать авторы Нового и Ветхого Завета. Итак, во-первых, когда речь идет о Новом Завете, возникает затруднение с доказательствами.

Во-вторых, я познакомил вас с некоторыми важными терминами. Третье, что следует сказать о текстологической критике, это то, что рукописи очень разные. Рукописные свидетельства, с которыми работают авторы Нового Завета, очень разнообразны.

Иногда многие рукописные свидетельства представляют собой настоящие копии Нового Завета. В греческом языке, будь то незапечатанные рукописи, снова используются заглавные буквы без разделения между словами или, позже, больше рукописных шрифтов. Некоторые из наших рукописных свидетельств представляют собой настоящие копии текста Нового Завета на греческом языке.

Но есть и другое, и мы сказали, что иногда они очень фрагментарны, просто фрагмент, часть раздела Нового Завета. В других случаях это целая книга, часть книги или несколько книг. Это, а иногда и практически весь Новый Завет, но многие из наших рукописей состоят из настоящих копий текста Нового Завета.

Кроме того, у нас есть примеры от отцов ранней церкви, особенно из третьего и четвертого веков, где отцы церкви, ранние лидеры ранней церкви, после завершения написания Нового Завета, отцы ранней церкви часто цитата из Нового Завета. А их цитаты из текста Нового Завета часто говорят нам, какая рукопись у них могла быть или какая форма Нового Завета могла быть им доступна. Другими словами, цитаты, которые отцы церкви цитируют из Нового Завета, их цитаты предоставляют ценные доказательства для построения, помогая реконструировать Новый Завет, его формулировки и то, что в нем говорится.

Поэтому отцы церкви важны. У нас также есть различные версии или ранние переводы Нового Завета. Поскольку рукописи Нового Завета распространились более широко, географически, и их необходимо было сделать более доступными для других народов, говорящих на других языках, Новый Завет, у нас есть очень ранние переводы Нового Завета на такие языки, как сирийский, а также латынь и некоторые другие языки. Другие языки.

И эти переводы также могут помочь предоставить доказательства того, какая форма текста Нового Завета, по-видимому, была доступна этим ранним христианам. Итак, текстовые критики принимают во внимание все эти свидетельства, чтобы попытаться реконструировать то, что, скорее всего, написал Павел или что, скорее всего, написал Матфей в оригинальной форме рукописи. В оригинальном тексте.

Четвертое, что следует сказать, это то, что все свидетельства, а также все свидетельства и рукописи, которые у нас есть, представляют собой критики текстов Нового Завета, которые пытались и думают, что могут классифицировать их по разным семействам. Поэтому вместо того, чтобы иметь всю эту мешанину доказательств, основанных на сходстве между определенными текстами, текстуальными критиками (это еще один термин, текстуальными критиками), просто обратитесь к любому, кто занимается текстологической критикой и пытается реконструировать исходный текст, но текстуальные критики думаю, что они смогут отнести все эти рукописи и все эти свидетельства к определенным семействам. Рукописи, которые, кажется, имеют генеалогическое родство друг с другом.

Рукописи, которые, кажется, исходят от одного родителя или общего источника. Например, я просто упомяну два из них или кратко опишу два семейства, которые, по мнению текстовых критиков, существуют и на которые они могут классифицировать рукописи. Одна из наиболее известных называется рукописью Александрийской семьи.

Александрийская семья происходит от группы рукописей, которая, по-видимому, имеет общее происхождение, восходящее к рукописям, скопированным в Александрии, Египет, отсюда и Александрийская семья рукописей. И это семейство рукописей считается более качественным, в нем меньше изменений, меньше гармонизаций и попыток сгладить текст. Это часто можно увидеть, и кажется, что оно отражает старые прочтения.

Таким образом, большинство текстовых критиков считают, что тексты александрийского типа имеют очень высокое качество и очень важны для восстановления оригинального текста Нового Завета. Другой тип семьи

называется Западным Манускриптом. Но третий тип, о котором я хочу очень кратко рассказать, называется византийский.

Большинство наших греческих рукописей Нового Завета попадают в эту категорию. Это намного позже. Судя по всему, это более поздняя рукописная семья, возникшая гораздо позже даже александрийской.

Это часто характеризуется попытками сгладить текст: если писец пишет в отношении этого семейства рукописей, если писец считает текст слишком сложным, он может попытаться сгладить его или попытаться гармонизировать его с другим текстом или чем-то еще. как это. Семья византийских рукописей считается важной, хотя иногда и не такой важной, как александрийская. Но это все же дает основания полагать, что эти рукописи могут содержать оригинальное прочтение текста Нового Завета.

Но важно понимать текстовых критиков, однако не стоит просто подсчитывать доказательства или говорить, что если они есть в Александрийском документе или если в 50 рукописях есть такое прочтение, а только в трех или четырех оно есть, то прав тот, у кого 50. Это не просто подсчет рукописей, это сбор всех доказательств, которые мы увидим через мгновение, и их взвешивание, чтобы попытаться выяснить, что, скорее всего, сделал Павел, или Лука, или Матфей, или, опять же, для Ветхого Завета Исайя или псалмопевец, что скорее всего они это написали? Итак, снова ученые из всех рукописей думают, что могут разделить их на разные семейства, которые, похоже, имеют разные схожие отношения. Все рукописи, которые, по-видимому, имеют схожее отношение друг к другу и имеют схожие типы прочтения, считаются принадлежащими к одной семье.

Пятая концепция, которую следует познакомить вас, — это идея о том, что существует два типа свидетельств, с которыми имеют дело текстовые критики при реконструкции текста Нового Завета. Одно из них известно как внешнее свидетельство, а другое — как внутреннее свидетельство. Внешние доказательства будут относиться к таким вещам, как дата всех этих рукописей и принадлежность к какой семье.

Мы только что посмотрели на александрийские, византийские или западные рукописи, чтобы они рассмотрели доказательства того, какой семье принадлежали эти рукописи? Какова дата этих рукописей? Они очень ранние? Они намного позже? Тот факт, что кто-то пришел раньше, а кто-то опоздал, не означает автоматически, что кто-то прав, а кто-то нет. Это лишь часть доказательств, которые они принимают во внимание. Географическое распределение: кажется ли, что определенное прочтение в одной рукописи привязано к одному месту, а не к прочтению варианта, который может быть широко распространен географически.

Он может появиться в нескольких географических местах. И есть ряд других факторов, которые также принимаются во внимание. Склонности писца: что писец будет делать, когда переписывает или слушает прочитанный текст.

Все это называется внешними свидетельствами, и все это принимается во внимание, пытаюсь еще раз определить, что, скорее всего, написал старый автор Нового Завета? Другой называется внутренними доказательствами. Внутренние доказательства относятся к доказательствам в самом тексте. Вот что мы знаем о стиле автора? Что мы знаем о его грамматике и словах, которые он использовал? Что мы знаем о его богословии? Итак, если посмотреть на более широкий контекст самого документа, особенно на Павла, если посмотреть на все его послания, посмотреть на его богословские наклонности и т. д.

и снова использовать эти внутренние доказательства, то есть доказательства в самом тексте, чтобы помочь авторам, критикам текста, установить, что, скорее всего, было исходным текстом. Так, например, кто-то, опять же, если вы посмотрите на все рукописи и обнаружите некоторые различия между ними, правильным может оказаться тот, который соответствует стилю Павла и его словарю, его богословию в послании и в других местах написанных им посланий. . Попытка выбрать чтение, которое наиболее соответствует тому, что мы знаем о Павле, его богословии и его произведениях в других местах.

Итак, это внутренние доказательства. Опять же, некоторые текстовые критики предпочитают одно другому. Некоторые отдали бы предпочтение внутренним свидетельствам при принятии решения о том, какое прочтение верно.

Некоторые сосредоточили бы больше внимания на внешних доказательствах. Другие снова попытались бы взвесить их обоих и принять их обоих во внимание, насколько это возможно. Итак, еще раз, некоторые, возможно, предпочтут сосредоточиться на одной семье.

Например, некоторые текстовые критики отдают приоритет Александрийской семье. Помните, мы говорили о том, что различные рукописи можно сгруппировать по семьям и генеалогическому родству. Некоторые текстовые критики отдают предпочтение александрийскому тексту, поскольку любой текст, встречающийся в рукописях александрийского типа, вероятно, является оригиналом.

Другой, другие текстовые критики могли бы отдать предпочтение византийскому, и при прочих равных условиях предпочтение было бы отдано прочтению, найденному в византийской семье рукописей. Один из методов

текстовой критики, который, кажется, прижился и с которым, я думаю, согласится большинство, — это так называемый эклектический метод. Эклектичный, аргументированный эклектизм — это причудливый термин для этого.

Это просто означает, что нужно принять во внимание все доказательства и взвесить их, причем не обязательно отдавать приоритет какому-либо одному, а взвесить все доказательства, внутренние и внешние, дату рукописи, семью, которой она принадлежит. Опять же, если просмотреть все рукописи и в одном стихе, то в рукописях есть какие-то варианты, стоит взвесить все свидетельства, дату, распространение, византийское ли это, александрийское, посмотреть на склонности переписчиков, внутренне посмотреть на стиль автора, его словарный запас, его грамматика и т. д. Принимая все это во внимание, чтобы сделать наиболее аргументированную попытку, наиболее аргументированную реконструкцию, которая, скорее всего, точно отражает то, что написал первоначальный автор.

По крайней мере, в Новом Завете есть два греческих текста, которые стали своего рода общим текстом, которым пользуется большинство профессоров и студентов Нового Завета. Одно из них — Объединенное библейское общество, UBS, только что вышло четвертое издание. И, кстати, большинство рукописей, большинство греческих Новых Заветов, которые у нас есть, обычно продолжают редактировать и обновлять по мере того, как обнаруживается больше свидетельств, а иногда и по мере того, как мы открываем новые способы рассмотрения текстовых проблем.

Это постоянная попытка как можно точнее реконструировать, как выглядела оригинальная рукопись. Но одной из распространенных рукописей является четвертое издание Объединенного библейского общества. Другой - так

называемый Nestle-Aland, эти два названия, Nestle и Aland, ассоциируются с главными редакторами.

Текст Нестле-Аланд, находящийся в 27-м издании, представляет собой два очень распространенных и на сегодняшний день наиболее известных и распространенных текста Нового Завета, созданных на основе текстовой критики. Итак, еще раз, мы берем все рукописные свидетельства, взвешиваем все вероятности и т. д. Это тексты, которые были созданы и наиболее точно отражают наши попытки представить то, что на самом деле написали авторы Нового Завета.

Еще один последний вопрос, о котором стоит кратко поговорить, — это различные типы изменений и мотивы этих изменений, которые может внести писец. Опять же, помните, поскольку у писца есть рукопись, с которой он переписывает, и во время копирования он должен прочитать строку или, сколько бы ни прочитал писец, несколько слов или строк, а затем удерживать это в уме как затем он подходит и начинает писать это на пустой странице. Когда он это делает, или мы сказали, что другая возможность заключалась в том, что писец мог слушать, как кто-то читает текст.

По мере реализации этих двух сценариев могут произойти определенные изменения, которые могут быть внесены в рукопись, которую пишет писец. Например, немного подкрепив, эти изменения бывают двух типов. Некоторые из этих изменений случайны, или некоторые из этих вариантов или ошибок случайны.

То есть они происходят непреднамеренно, и о парочке из них мы поговорим. Другой тип является преднамеренным. Переписчик может намеренно попытаться каким-либо образом улучшить рукопись.

Итак, у него есть эта рукопись, он может увидеть в ней трудность или что-то неясное, что он попытается улучшить. Так что есть некоторые изменения, которые являются преднамеренными. Таким образом, преднамеренные изменения могут быть такими.

Очень распространенным намеренным изменением является гармонизация. Опять же, писец, особенно при работе с Евангелиями, писец может попытаться согласовать одно Евангелие с другим. Опять же, если, например, писец переписывает, это очень яркий пример того, как это происходит.

Если писец копирует Молитву Господню у Луки и, возможно, писец очень хорошо знаком с версией Молитвы Господней в 6-й главе Евангелия от Матфея, переписчик, переписывающий Молитву Господню у Луки, может намеренно попытаться заставить версию Молитвы Господней, предложенную Лукой, звучать просто, как у Мэтью, потому что он хочет, чтобы они звучали одинаково. Никакого несоответствия или разницы быть не может. Таким образом, писец может намеренно попытаться гармонизировать, особенно с Евангелиями, попытаться гармонизировать определенные тексты.

Опять же, если писец, возможно, только что скопировал Матфея или знает о Матфее, а сейчас он копирует Марка или Луку, он может намеренно попытаться привести их в соответствие друг с другом. Другой - писец, второй - писец, который может попытаться улучшить или сгладить что-то, что является грубым или кажется проблемой, неточным или противоречивым. Итак, опять же, писец может читать текст, и особенно, возможно, с богословской точки зрения, может быть, кажется, что текст вызывает сомнение, может показаться, что его формулировка ставит под сомнение что-то, что противоречит богословским убеждениям писца.

Таким образом, писец может изменить или обновить его, чтобы отразить точное богословие или что-то в этом роде. Итак, это примеры преднамеренных изменений, где опять-таки результатом является писец, и это важно, писец пытается каким-то образом улучшить текст. Он пытается прояснить ее, гармонизировать, устранить конфликты и несоответствия, как он их видит, привести ее в соответствие с богословием церкви и стандартными богословскими убеждениями и попытаться устранить любые несоответствия.

Так что большинство намеренных изменений — это попытки улучшить текст. Но другой тип изменений является непреднамеренным. Те изменения, опять же, которые внесены писцом непреднамеренно.

Переписчик не пытается улучшить рукопись, но это изменения, внесенные случайно. Опять же, в большинстве из них, когда писец читает рукопись, а затем переносит ее для записи в другую рукопись, или когда писец слушает читаемый текст и записывает его, могут возникнуть определенные непреднамеренные изменения. Например, писец может потерять свое место.

Возможно, вы делали это раньше, если читали, и особенно если устали. Если вы когда-нибудь сильно уставали и читали абзац и читали, значит, вы перечитывали одну и ту же строку заново. Переписчики часто устают, когда читают и записывают рукописи, и поэтому иногда, особенно если они переходят от одной рукописи к другой, они могут прочитать строку и записать ее, а когда они вернуться, они могут прочитать ту же строку еще раз и запишите ее второй раз.

Или еще одна распространенная вещь: они могут случайно пропустить одну или две строки. Итак, когда они читают рукопись и записывают строчку, когда они

возвращаются, они могут не оказаться на том же месте. Они могут случайно пропустить строку, особенно если она начинается так же, как и предыдущая, но дело в том, что они могут случайно пропустить строку, когда перемещаются между копируемой рукописью и исходной. новая рукопись, которую они создают.

Таким образом, некоторые непреднамеренные изменения, подобные этому, теперь отражены в новой рукописи, созданной писцом. И тогда вы увидите, что произошло. Если кто-то воспользуется этой рукописью и скопирует ее, та же ошибка может быть совершена в последующих рукописях.

И по мере того, как ветвь, дерево разветвляется, другие рукописи могут обнаружить те же ошибки, что и писец, или непреднамеренные изменения, которые вносит писец. Другой источник расхождений в рукописи — слух, ошибки слуха. То есть, будучи писцом или когда кто-то снова читает рукопись, этот человек может что-то не произнести внятно.

И более того, особенно по мере развития греческого языка в первые века, в веках после первого века, а это уже происходило в первом веке, некоторые гласные или даже комбинации гласных начинают произноситься одинаково. Так что некоторые слова тоже могут произноситься одинаково. Итак, если писец услышит звук и на самом деле он может быть представлен более чем одной буквой, какую букву он напишет? Например, в английском языке, если кто-то произносит слово «скучно», это значит «СКУЧНО»? Что мне до безумия скучно? Или это ДОСКА? Например, доска.

Или даже тогда, вы знаете, слово «доска» само по себе может иметь несколько значений. Так что даже в английском языке слова часто звучат одинаково. И часто контекста достаточно, чтобы помочь устранить двусмысленность.

Но вы понимаете, что я имею в виду. Когда кто-то что-то читает, это может произноситься по-разному. Или в греческом, особенно когда гласные начинают произноситься одинаково.

Когда писец слушает, как что-то читают, как ему читают, как он это напишет? Могут быть разные способы написания того, что он только что услышал. И, по-видимому, у них не было роскоши поднять руку и спросить, как это пишется или что-то в этом роде. Итак, некоторые изменения в рукописи, некоторые различия между рукописями могут быть результатом разного звучания некоторых греческих слов.

Другой пример - это своего рода еще один пример варианта, который может исходить из воздуха. Английский пример этого. Ну, один из способов сделать это — просто перевернуть пару букв.

Например, и это может иметь большое значение в значении слова. Например, посмотрите на разницу между английским словом «собака» и «Бог», просто поменяв местами две буквы. Это существенно меняет значение этого слова.

То же самое было и в греческом языке. Автор, переходя от одной к другой, может случайно, читая слово, перевернуть две буквы местами, придав совершенно иной смысл. И снова писцы устали.

У некоторых из них, вероятно, было плохое зрение. Возможно, в тот день они проснулись с плохим настроением или плохо выспались. И все это будет отражать их способность точно копировать текст.

И поэтому иногда ошибки зрения при копировании рукописей могут привести к тому, что они напишут слово, перевернутую букву или что-то в этом роде, и

создадут вариант или изменение в рукописи, которую они копируют. И последнее, что довольно интересно, — время от времени, и текстовым критикам с этим немного легче иметь дело, иногда это было обычной практикой. Это просто интересный вариант.

Иногда писцы делали пометки на полях, что было обычной практикой. Иногда это может быть довольно серьезное замечание по поводу текста. Иногда это может быть что-то другое, например, у меня замерзли руки, или у меня кончились чернила, или моя жена сегодня сожгла тост, или что-то подобное может быть написано на полях.

А затем, когда какой-то другой писец имеет этот текст и копирует, он может случайно включить это примечание на полях прямо в тексте. Итак, прямо в середине текста Марка может быть что-то вроде: «У меня леденеют руки, потому что именно такую заметку мог написать первоначальный писец». Итак, снова, когда писцы время от времени делают небольшие пометки на полях, что, если эта рукопись позже будет скопирована кем-то другим, эти небольшие пометки на полях могут фактически оказаться в тексте.

И снова, понимая, что происходит, критики текста могут как бы удалить это и понять, что, вероятно, писец вставил это сам. Итак, это некоторые из склонностей писцов. Вот некоторые из вещей, которые может делать писец.

И снова текстовый критик будет работать в обратном направлении и из всех этих вариантов попытается, попытается сказать, могу ли я объяснить некоторые из этих изменений, основываясь на непреднамеренных или намеренных изменениях, сделанных переписчиком? И если я смогу это сделать, тогда я смогу начать сужать то, что, что, скорее всего, тогда было именно тем, что написал Павел, Лука или Матфей? Позвольте мне сказать еще одну вещь о

текстовой критике, а затем мы очень кратко рассмотрим пару примеров. В-третьих, просто чтобы дать вам три принципа, которыми часто оперируют текстовые критики: какие, какие принципы или какие стандарты они используют? Какие принципы определяют решения, которые они принимают? Один из них заключается в том, что обычно, когда вы начинаете, когда вы сравниваете все чтения человека, и опять же, если вы, если вы текстовый критик, просматриваете главу 1 Марка и стих 1, а также все рукописи, в них есть некоторые различия. Вопрос, который он пытается задать, заключается в том, какое из этих различий, скорее всего, отражает то, что написал Марк? И опять же, я не хочу создавать впечатление, что каждый стих имеет множество отличий.

Иногда их всего пара, иногда больше одного, иногда они есть, это очень очевидно, иногда определить немного сложнее. Но если писец работает со стихом, и среди всех рукописей есть какие-то варианты, какие-то различия, то писец, то текстовый критик хочет знать, какой из них, скорее всего, тот, который написал Марк. Итак, один из принципов заключается в том, что из всех этих различий самое трудное или самое трудное чтение, вероятно, является самым правильным.

И причина в том, что писец с большей вероятностью внесет улучшение. Переписчик скорее сгладит, гармонизирует, улучшит текст, чем внесёт в него трудность. И опять же, это всего лишь принципы, они не всегда работают, потому что писец может ошибиться, может быть правдоподобно, из-за видимой ошибки, или из-за пропуска строки автор может, писец может сделать ошибку. текст сложнее, и в этом случае самое трудное чтение может оказаться неправильным.

Но в целом писец с большей вероятностью улучшит текст, сгладит то, что он считает несоответствиями, богословскими проблемами или шероховатостями в тексте. Писец будет стремиться сделать его более гладким. Таким образом, большинство текстовых критиков считают, что при прочих равных условиях, чем сложнее из всех чтений, тем труднее из чтений, вероятно, будет правильным.

Второе – самое короткое чтение. Второй общий принцип: самое короткое чтение, скорее всего, будет правильным. Так что из всех вариантов и различий, вероятно, правильным будет тот, который самый короткий.

И опять же, причина в том, что писец с большей вероятностью расширит, сгладит, улучшит текст и дополнит его. Хотя опять же есть исключения. Мы видели, как писец мог случайно пропустить строку при копировании текста, создав более короткий текст.

Итак, это не жесткие правила. Есть принципы, которым обычно следуют. При прочих равных условиях более короткое чтение будет правильным, потому что писец с большей вероятностью расширит, уточнит и сгладит.

Третий вариант, которому обычно следуют, заключается в том, что, опять же, когда у вас есть рукописи с разными прочтениями, чтение, которое может лучше всего объяснить происхождение других, вероятно, будет правильным. Если вы можете объяснить происхождение всех остальных чтений, основываясь на одном из них, то, вероятно, это правильное прочтение. Например, часто бывает так, что если у писца более одной рукописи или он знает более одного чтения, самым простым выходом может быть объединение их всех.

И поэтому часто, иногда у вас будут рукописи с несколькими прочтениями, опять же, потому что у писца могло быть несколько текстов или он мог знать

более одного прочтения, вместо того, чтобы пытаться выяснить, какое из них было правильным, мы Я просто помещу их все туда и объединим их все вместе. И это один из способов описать, как некоторые из этих чтений могли быть порождены одной из других рукописей. Итак, если вы можете объяснить все варианты, если вы можете объяснить их все на основе одного из них, то, если кажется, что один из них дает начало другим прочтениям, то он, вероятно, правильный.

Итак, это лишь некоторые из принципов, которые текстовые критики используют, пытаясь определить, какое прочтение текста, скорее всего, было правильным. Теперь позвольте мне привести вам пару кратких примеров из Нового Завета. Об одном из них мы уже упоминали, и опять же, большинство из них — просто различия в словах.

Опять же, я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что если у вас есть рукопись о Марке, то все остальные рукописи будут расходиться с ней почти во всех аспектах. Вся рукопись другая. И зачастую это просто различия в формулировках здесь и там, но мы увидим, что иногда разница более существенна.

Один пример, очень простой, о котором мы уже упоминали, взят из 1-й и 1-й глав четвертой главы Евангелия от Луки, пролога Луки, где Лука говорит: «Мне показалось хорошим написать или составить собственное повествование о жизни Христа, чтобы ты, Феофил, мог знать о достоверности этих вещей. Есть пара более поздних рукописей, в которых добавлены слова, когда Лука говорит, мне показалось хорошо, они добавили слова, и к Святому Духу. Интересно, что из всех рукописей, в которых нет слов и Святого Духа, это делается лишь в паре рукописей.

Мы видим эти слова, и, как показалось Святому Духу, это было угодно в других местах Деяний. Так что, скорее всего, потому, что это две более поздние рукописи, и нет ни одной, никаких других рукописей, подтверждающих это, и потому, что Деяния действительно включают эту фразу в другом месте, и потому, что, скорее всего, это попытка переписчиков, возможно, отразить то, что говорит Лука. в другом месте и, возможно, даже добавить к тексту божественную санкцию. Другими словами, это не просто действие Луки, возможно, это должно быть санкционировано Святым Духом, Лука не писал этих слов.

Люк просто написал, что мне показалось полезным предоставить это, предоставить этот отчет. Еще одним интересным примером является 21-я глава и 3-й стих Откровения, в которых в видении Нового Иерусалима Иоанн фактически цитирует формулу завета Ветхого Завета. В 21-й главе в 3-м стихе Откровения говорится: «И услышал я громкий голос от престола, говорящий: ныне жилище Божие с человеками, или с людьми, и Он будет жить с ними».

Они будут Его народом, и Сам Бог будет с ними и будет их Богом. Если вы вспомните некоторые отрывки из Ветхого Завета, вы заметите, что это формула завета, которая часто в различных формах встречается в Ветхом Завете. Я буду их Богом, они будут моим народом.

Иоанн, по-видимому, особенно опирается на версию 37-й главы Иезекииля, хотя она встречается у Иеремии, Захарии и ряда текстов Ветхого Завета. Левит, глава 26, полное выражение формулы завета. Но что интересно, есть два типа рукописей Откровения 21, стих 3. В том разделе, где говорится, они будут его народом, и с ними будет сам Бог.

В некоторых рукописях люди встречаются в единственном числе, тогда как в других — во множественном числе, или, можно сказать, это своего рода высокопарные английские народы. Мы не используем это очень часто, но в некоторых рукописях Откровения 21, стих 3 есть, они будут моим народом, в единственном числе. У других есть, они будут моими людьми во множественном числе.

И вопрос в том, какое же тогда прочтение правильное? Что, скорее всего, написал Иоанн? Когда смотришь на сами рукописи, как и на внешние свидетельства, вплоть до даты и количества рукописей, и византийских, и александрийских и т. д., очень трудно прийти к определенному выводу. Поэтому обычно во внимание принимаются и другие виды доказательств. Например, более вероятно, что писец будет писать людей во множественном числе, или более вероятно, что писец будет писать людей в единственном числе? И еще одним важным свидетельством является то, что Иоанн часто универсализирует тексты Ветхого Завета.

Тексты Ветхого Завета, в которых конкретно говорится о народе Израиля. Теперь Иоанн начинает отвечать людям в более широком смысле, включая язычников. И Иоанн повторяет эту фразу снова и снова на протяжении всего Откровения, в людях из каждого колена, языка, языка и т. д. и нации.

Так что, возможно ли, что Иоанн сам изменил ветхозаветную формулу, в которой были единственные люди, относящиеся к Израилю, и теперь намеренно сделал ее множественной, народы, чтобы было ясно, что все люди, не только Израиль, но и язычники, люди из всех племя, и язык, и язык, и нация теперь принадлежат народу Божию во множественном числе. И что, возможно, у писца был бы писец, знающий формулу ветхозаветного завета, которая находится в единственном числе людей, возможно, попытался бы изменить ее

обратно, чтобы она звучала как и соответствовала формуле ветхозаветного завета из Иезекииля и Левит 26, которая имела единственное число. люди. Итак, вот пример, где, вероятно, вероятно, Иоанн изначально написал множественное число людей, а более поздний переписчик где-то в процессе, возможно, изменил его обратно на единственное число, чтобы оно больше походило на формулу Ветхого Завета.

Другой пример, интригующий, можно найти в 5-й главе и 1-м стихе Послания к Римлянам. В 5-й главе и 1-м стихе Послания к Римлянам Павел начинает новый раздел, демонстрируя своего рода результаты последствий оправдания верой, которые он отстаивал в первых четырех главах. главы. Итак, основываясь на том факте, что человек оправдывается верой в Иисуса Христа, начиная со стиха 5, следовательно, поскольку мы были оправданы, главы с 1 по 4, через веру, мы имеем мир с Богом. Кажется, это утверждение о том, что является истиной и чем мы действительно обладаем в силу оправдания.

Мы были оправданы верой, поэтому в настоящее время у нас есть мир с Богом. Мы больше не враждуем с Богом. У нас больше нет враждебных отношений, теперь у нас мирные отношения.

Однако, что интересно, в некоторых рукописях есть слово, которое можно перевести как «давайте нам или нам следует иметь мир с Богом». Скорее увещевание или приказ. Так что же это? Опять же, читают некоторые рукописи, мы имеем мир с Богом, делая показательное заявление, утверждение.

В некоторых других рукописях говорится: «Мы должны иметь или позволить нам иметь мир, или мы должны иметь мир с Богом». Скорее увещевание или приказ. И это имеет небольшое значение.

Что написал Павел? Повелел ли Павел нам иметь мир или мы должны иметь мир, или он просто утверждал? Это действительно так, исходя из того, что мы были оправданы. Разница, разница в одну букву греческого языка. Это то же самое слово, что и у нас, оно одно и то же, или это то же самое слово, которое мы переводим на английский как «иметь».

Но разница в том, следует ли переводить это слово как утверждение, утверждение, которое можно было бы написать одним способом. Или это команда? Мы должны иметь, давайте иметь, это можно было бы записать по-другому. Разница лишь в одной букве, которая могла бы произноситься одинаково.

Помните, мы говорили, что если писец сидит и слушает читаемый текст, иногда, когда буква произносится одинаково, что он собирается написать? И это пример того, как глагол to have мог быть написан с заменой всего одной буквы, и обе буквы произносились бы одинаково. Все это видят? Если бы автор, используя греческие слова, один из них был бы экомен, то есть у нас, другой был бы экомен. Видите, разница всего в одну букву.

Экомен будет означать, что мы должны иметь или позволить нам иметь, в отличие от экомен, что означает, что у нас есть утверждение. Проблема была в том, что «ах» и «о» произносились одинаково, «о». Итак, если у вас кто-то читает и говорит «экомен», что я буду писать? Собираюсь ли я написать «давайте нам иметь» или «мы должны иметь» или я собираюсь написать «мы имеем» заявление или утверждение? Большинство, большинство комментариев и Посланий к Римлянам, которые я читал, убеждены, что, скорее всего, имеющийся у нас перевод, это утверждение или заявление, является правильным.

Но вы все равно можете увидеть, что приходится делать критикам текста, когда у них есть такие рукописи, как Послание к Римлянам 5.1, в которых есть разница даже в одну букву, что, вероятно, восходит к тому факту, что обе буквы были бы произнесены как идентичные, что заставило бы некоторых переписчиков написать одну или несколько букв, чтобы написать еще одну букву, что приведет к несколько иной интерпретации текста. Последний пример гораздо более важен с точки зрения длины. Большинство из них, которые мы рассмотрели до сих пор, были простыми, например, первая глава Евангелия от Луки состояла всего из пары слов.

Два других были просто написаниями, буквально оба других были всего лишь примерами разницы между одной буквой. Но я хочу вкратце рассмотреть один, более длинный, и это самый конец 16-й главы Евангелия от Марка. И опять же, я не хочу, не надеюсь решить эту проблему и не надеюсь вдаваться в подробности, почему это произошло или как нам следует относиться к тексту.

Но даже для большинства английских это настолько существенно, что почти каждый английский перевод, который я когда-либо просматривал, содержит упоминание об этом. И если вы посмотрите на большинство английских рукописей, там будет такая пометка. Я смотрю текст NIV, и там говорится, что в самых ранних рукописях и некоторых других древних свидетельствах нет Марка 16, стихи с 9 по 20.

Итак, если вы посмотрите на большинство своих Библий, Марка 16, самая последняя глава Марка, идет до конца стиха, вплоть до стиха 20. Но в каждом английском переводе, который я видел, есть небольшое примечание. в тексте или, может быть, в сноске, в которой говорится, что в некоторых ранних рукописях и других свидетельствах нет стихов с 9 по 16. И на самом деле был еще один, в некоторых английских Библиях также есть другой возможный

конец, который намного короче, и они будут иметь похожее окончание.

примечание.

Эти стихи или это окончание иногда помещают в сноске, и снова говорят, что этого не было в некоторых ранних или древних свидетельствах. Проблема в том, что у нас, по-видимому, есть две версии Марка. Одна версия содержит 16-ю главу Евангелия от Марка, которая продолжается только до 8-го стиха. Другая версия Евангелия от Марка имеет окончание, например стихи с 9 по 20.

И я не буду тратить время на его чтение, но 9 стих Марка 16 начинается с того, что Иисус, воскреснув рано в первый день недели, явился Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и рассказала тем, кто был с ним. И затем это продолжается, и на самом деле в стихе 15 Иисус говорит своим ученикам: идите в мир и проповедуйте это Евангелие, эту благую весть всему творению и т. д. и т. п.

Итак, у вас есть такое длинное окончание, которое, опять же, моя английская Библия говорит, что в некоторых рукописях такого окончания нет, стихи с 9 по 20. Итак, вопрос в том, где закончился Марк? Закончился ли Марк на 8-м стихе? Как и во многих рукописях, у Марка заканчивается 8-й стих. Это конец Евангелия.

Другие рукописи включают стихи с 9 по 20. Так где же закончился Марк? Опять же, я не хочу решать эту проблему и вдаваться во все подробности по этому поводу, но возможно ли, возможно ли, что Марк действительно намеревался закончить на 8-м стихе? И я прочитаю. Вот чем заканчивается Марка 16.

В этой 16-й главе рассказывается о воскресении Иисуса и явлении его некоторым ученикам. А в стихе 8 говорится, что, дрожа и растерявшись,

женщины вышли и побежали от гроба. Они никому ничего не сказали, потому что боялись.

И это конец 16-й главы, 8-й стих. И некоторые из вас могут задаться вопросом: каким образом можно положить конец Евангелию? Когда женщины дрожат, боятся и боятся рассказать кому-нибудь? Евангелие заканчивается не так, особенно когда вы читаете Матфея, Луки и Иоанна. Это не то, чем заканчивается Евангелие. Но, возможно, именно так думал древний писец.

И, возможно, стихи с 9 по 20 были попыткой какого-то древнего писца придумать правильное окончание Евангелия. И тогда во многих рукописях это подхватили и включили стихи с 9 по 20. Но возможно ли, что Марк действительно закончил на 8 стихе? И я думаю, что есть веские причины, даже богословские и контекстуальные причины в отношении Марка, которые предполагают, что, возможно, на этом все и закончилось.

Некоторые предполагают, что на самом деле 8-й стих, Марк сам написал еще после 8-го стиха, и он каким-то образом затерялся, отрезал или сжег рукопись или что-то в этом роде. Каким-то образом это затерялось, и позже переписчик включил стихи с 8, 9 по 20. Но возможно ли, что Марк намеревался закончить на 8-м стихе? Опять же, мы не будем вдаваться в подробности, почему это может быть.

Но, возможно, тогда писец, имеющий рукопись, где Марк заканчивается на 16, 8, подумал, что это недостаточный способ положить конец Евангелию, и знал о Матфее, Луке, даже и, возможно, об Иоанне. Фактически, некоторые из этих стихов с 9 по 20 напоминают, особенно 15 и 16, очень похожие на 28 главу Евангелия от Матфея, текст великого поручения. Так что, возможно, переписчик

подумал, что ему нужно добавить подходящее окончание к Евангелию от Марка.

Таким образом, стихи с 9 по 20 встречаются в некоторых рукописях, но, возможно, это не оригинальная концовка, написанная самим Марком. Итак, в заключение, текстовая критика призвана принять во внимание все возможные доказательства, внешние и внутренние. Внешне, дата рукописей, семьи, которым они принадлежат, распространение рукописи, находится ли определенная рукопись или имеет свое происхождение только в одном месте, или кажется, что чтение распространяется географически по нескольким местам и был более известен.

Глядя на дату рукописи, тенденции переписчика, а затем внутренне глядя на стиль, словарный запас, грамматику автора, в других частях книги или на то, писал ли автор другие документы, такие как Павел, глядя на его богословие и стиль, можно увидеть более широкую картину. контексте, используя всю эту информацию и пытаясь реконструировать как можно точнее и точнее, работая в обратном направлении, исходя из всех рукописных свидетельств, используя все эти критерии и информацию, работая в обратном направлении, чтобы реконструировать как можно точнее и ближе то, что, скорее всего, произошло. автор Марка, Матфея, или Послания к Римлянам, или Иеремии, или Исаяи, или Бытия, что, скорее всего, они написали? Помните, как и в случае с деревом, ствол которого разветвляется в нескольких направлениях, у нас нет ствола, нет оригинальной рукописи, у нас есть только ветви и обычно концы ветвей. Поэтому мы пытаемся работать в обратном направлении и реконструировать то, что, скорее всего, было зачитано в оригинальной рукописи из всех рукописей, в которых, опять же, в процессе копирования вкрались различия, вкрались изменения, а текстовая критика пытается вернуться от фактов к реконструировать то, что, скорее всего, было первоначальным прочтением. Но

опять же хочу добавить, надо сказать, что ничего важного, по моему мнению, и большинство учёных-евангелистов это подтвердили, ничто важное для нашей веры в Иисуса Христа не зависит от текстокритических различий.

Процесс критики текста позволяет нам с очень высокой степенью вероятности прийти к тому, что именно, и мы каждый день оперируем с высокой степенью вероятности, но позволяет нам с очень высокой степенью вероятности реконструировать то, что было наиболее вероятным в библейских текстах. автор оригинально написал. Когда вы смотрите на все рукописи и имеющиеся у нас доказательства, текстовая критика позволяет нам вернуться назад и с высокой степенью вероятности реконструировать то, что написал автор, так что мы можем быть уверены в имеющемся у нас тексте, в том, что мы имеем что-то, что является точным объектом интерпретации, что обеспечивает основу для герменевтического мышления, размышлений, интерпретации и применения Библии как Слова Божьего. Итак, это первый этап процесса передачи, который приведет нас к более подробному обсуждению герменевтики.

Процесс передачи от вдохновения, оригинального создания и происхождения библейского текста до всех свидетельств, когда текст был скопирован и предоставлен, работая и реконструируя посредством текстовой критики текст Ветхого Нового Завета, который является точным отражением оригинального вдохновенного текста. Теперь это подводит нас ко второму, второму этапу передачи, который основан на реконструкции текста Ветхого Нового Завета, теперь переводе на греческий и иврит, перевод затем позволяет сделать этот текст доступным на различных языках, которые с которыми мы говорим, чтобы теперь у нас была адекватная основа для герменевтики и интерпретации. Итак, на следующем занятии мы немного поговорим о переводе, о процессе перевода, о том, что делает перевод хорошим, каковы различные типы переводов, и какую роль перевод играет в герменевтике и толковании, какой

перевод, возможно, вам следует использовать в своих собственных герменевтических исследованиях.